

Александр Зорич

У солдата есть невеста

Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)

Александр Зорич
У солдата есть невеста

«Автор»

2004

Зорич А.

У солдата есть невеста / А. Зорич — «Автор», 2004

«Россия, август 1941 года, осыпаются неубранные хлеба. Где-то под Смоленском отступает стрелковый батальон. Он держал позиции пять дней и наконец незнакомый офицер из штаба дивизии привез приказ на отход. От батальона осталось меньше роты, батальон идет на восток, к верховьям Волги. Впереди петляет через холмы разбитый проселок, рокочет далеко за лесом тяжелая артиллерия. Своя? Немецкая? Черт разберет. Большак, который проходит южнее, уже оседлали немцы. Моторизованная рота – передовой отряд панцердивизии – тоже пылит к Волге. Мотоциклисты и пехота на бронетранспортерах спешат выйти к реке и оседлать переправу, опередить отступающих русских...»

© Зорич А., 2004

© Автор, 2004

Александр Зорич

У солдата есть невеста

От автора

Россия, август 1941 года, осыпаются неубранные хлеба. Где-то под Смоленском отступает стрелковый батальон. Он держал позиции пять дней и наконец незнакомый офицер из штаба дивизии привез приказ на отход. От батальона осталось меньше роты, батальон идет на восток, к верховьям Волги. Впереди петляет через холмы разбитый проселок, рокошет далеко за лесом тяжелая артиллерия. Своя? Немецкая? Черт разберет.

Большак, который проходит южнее, уже оседлали немцы. Моторизованная рота – передовой отряд панцердивизии – тоже пылит к Волге. Мотоциклисты и пехота на бронетранспортерах спешат выйти к реке и оседлать переправу, опередить отступающих русских.

У них – рота, у нас – батальон, и, если судить по штатному расписанию, мы сильнее в четыре раза. Но на самом деле людей у нас меньше, да и пулеметов осталось только два. У немцев же одних пулеметов десять штук, и автоматическая пушка на бронемашине, и пехотинцев у них девяносто, и с ними – кураж победного марша от самого Бреста.

Русский батальон дойдет до Волги и будет рассеян пулеметным огнем. Потом, в сумерках, красноармейцы по одному, по два будут искать переправы на тот, восточный берег. Кто-то доплывет, кто-то через четыре года дойдет до Берлина...

А теперь представьте себе, что на дворе – осень 1943. Русские из этой истории – немцы, а немецкая моторизованная рота – советские автоматчики на броне танков Т-34.

От Брянска до Черного моря на запад наступает Красная Армия. Ее цель – Днепр, главный приз кампании – Киев. Немецкий фронт рушится, резервов не хватает ни на что. Советские танковые корпуса прорывают растянутую оборону и один за другим выходят к Днепру, рапортуют в Москву о разгромленных штабах и многотысячных толпах пленных. Линии фронта в такие дни просто не существует. Ошметки разбитых немецких частей на левом берегу Днепра предоставлены сами себе. На дорогах их расстреливают с воздуха «бетонбомберы» – советские штурмовики Ил-2 – и давят гусеницами «тридцатьчетверки». Предусмотрительные уходят бездорожьем, бросив всё. Они пробираются через овраги и ивняки, и самые везучие все-таки дойдут до Днепра, а самые-самые везучие даже переплывут реку.

Мой рассказ – о тех, кто дошел до Днепра. Но рассказ – не о войне, или, точнее, не совсем о ней.

Советская пресса некогда критиковала знаменитый роман Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» за узкий взгляд на войну. Дескать, В. Некрасов смотрит на войну из-за бруствера окопа (впрочем, автор этого и не скрывал, этот факт вынесен в название книги!), далеко не глядит, в его книге недостаточно отражены стратегические, полководческие аспекты Сталинградской битвы. Так и есть: стратегические аспекты в замечательном романе В. Некрасова не отражены никак. Он был командиром роты и писал о том, что относилось непосредственно к сфере его компетенции, о том, что он видел и слышал, находясь на передовой.

Автор рассказ «У солдата есть невеста» заходит в этом отношении дальше Некрасова и смотрит на вещи еще уже. Это взгляд на войну даже не из окопа и не через танковый триплекс. Это взгляд на войну, брошенный убегающим человеком через плечо. И война для него – уже не война как «продолжение политики», и не «управляемое движение техники и человеческих масс», а неуправляемая вселенская катастрофа, жертвой которой он может стать в любую минуту.

Герой моего рассказа – нетипичный «типичный немец» Второй мировой.

Зовут его Ганс, он не является нацистом-фанатиком, он хочет домой, в Германию – и это типично. Но он не блещет бравым сортирным юмором, не алчет инанса, не ругает «этих болванов в штабах» и «этого бесноватого в Берлине». И это нетипично. Ганс достаточно далек от мифологического образа немецкого солдата, созданного современной литературой. Да и от образа «настоящего немецкого солдата», настырно выстраиваемого немецкими мемуарами о войне (составляющих в настоящее время обширный пласт «фольк-истории») он далек тоже.

В общем, Ганс не похож на немецкого вояку. Хочется надеяться – тем и интересен.

* * *

Когда иваны взяли Харьков, Ганс понял: впереди у них еще одна невыносимая зима.

Раньше Ганс любил зиму. Она катила на серебряных санях по неоскверненной свежести первого снега, дышала рождественской снедью и была крепка, как вино из побитых ранними заморозками виноградных ягод.

Русская зима была совсем не такой.

Она ступала красным медведем и рычала танком, пахла железом и прожаренной от вшей одеждой. Обжигала гортань, как взятый из брошенной хаты крестьянский самогон. А снег был как саван, который расстелили повсюду предупредительные невидимки.

О невидимом и его земных делах Ганс размышлял охотно и часто. Недаром, перед тем как загреметь на Восточный фронт, он всерьез собирался посвятить себя постижению незримого. Первые четыре месяца на фронте Гансу не давала покоя одна мучительная мысль: родись он на несколько лет раньше, он успел бы выучиться и, глядишь, попал бы в армию не солдатом, а священником.

Казалось бы, какая разница, кем именно умирать?

Но Ганс готов был поклясться, что есть, есть эта разница. Все равно, если он кого и убил, так, наверное, случайно. А женщин Ганс не знал никогда. Псалмы – другое дело.

Когда немецкая армия начала откатываться к Днепру, стало даже хуже, чем было под Белгородом.

Крылья люфтваффе, еще недавно такие сильные, вполнеба, ослабли теперь. Вот и случилось, что сутки назад, на рассвете, взвод, к которому Ганс был временно приписан, взлетел на воздух вместе с колхозным коровником. Коров там не было, только вырезанный из журнала портрет лысого, с прилизанным клином бородки и старомодным галстуком в горошину, человека. И за пять минут перед смертью товарищи Ганса ехидно спорили: кто это на портрете – киноактер или местный святой?

Весь день и всю ночь невесть как уцелевший Ганс брел, не останавливаясь, в сторону Большой Реки.

Он привычно волочил за собой престарелую винтовку – боялся трибунала. Толку в винтовке без патронов не было решительно никакого.

Есть было нечего, во фляге давно кончилась вода, во рту – слюна. А потому, когда Ганс завидел длинные, серые днепровские воды, по-сиамски сращенные животом с сизыми небесами там, вдали, его глаза растроганно увлажнились.

Он проворно спустился по тропинке на берег, раздвинул руками камыши, ввалился в воду и присел на корточки. Забулькала, алчно наполняясь, солдатская фляга.

Это только у дураков мгновения блаженства пролетают быстро. Рачительный Ганс смог вполне насладиться каждой куцей секундой блаженства – он пил медленно, смакуя глотки. Наконец, утолив жажду, он вновь выбрался на берег, где под стражей высоких елей стояли живописно вековые дубы.

«Бог есть вода!» – подумал Ганс.

Ох и хорошо же ему стало! И даже Руссланд, до самых облаков наполненный скорбной тишиной напололам с тревожным шуршанием камыша, в те мгновения не казался ему больше северным филиалом Ада, но лишь еще одной проклятой цветной лужей на пестром школьном глобусе.

Если бы близорукий Ганс не потерял во время своего бегства очки, он может и заметил бы, что из камыша на него смотрит, смотрит не по-птичьему умно и пристально, черный глаз дикой утки.

Лейтенант Ландау, некогда благоволивший рядовому Гансу Бремерфёрде, любил повторять, что на войне, как и в жизни, умирают всего один раз. Получается, зачем дрожать за свою шкуру?

С этим утверждением Ганс был согласен лишь отчасти.

Бояться смерти действительно глупо. И с каждым днем, проведенным в украинских степях, этой глупости в Гансе становилось меньше.

А вот с тем, что на войне умирают один раз, Ганс согласен не был. На войне ты умираешь часто, иногда каждый день.

Провалился под расколотый снарядами лед во время атаки – все равно что умер, даже если тебя все-таки вытащили. Размозжило голову товарищу, который вчера вытаскивал тебя из-под льда, – снова умер. А потом еще раз умер, когда пуля чиркнула по твоей каске, а дюжина других превратила в сито полу твоей шинели.

В сущности, война есть череда таких вот мелких смертей. Без права полного и окончательного воскресения.

В тот миг, когда медленно подкрадывающиеся сумерки у него за спиной вспорол хруст потревоженного сухостоя, когда возле самого уха щелкнул курок взведенного пистолета, в груди у Ганса привычно похолодело. Еще одна смертюшка-невеличка.

– Я... Клаус, – представился человек с пистолетом. – Фамилия – Берг.

– Меня зови Глоссер, – тяжело дыша, сообщил второй.

– Фельдшер Хорнхель, – буркнул третий, он спустился с кручи самым последним.

Троица была живописной даже по меркам военного времени – двое, Клаус и Глоссер, были ранены, один в голову, другой в плечо. Из-под блеклых, обсыпанных пылью повязок сочилась беспокойная кровь, навевая мысли о неминуемом сепсисе, о плотном госпитальном запахе, в котором, как в пруду, плавают сонные фельдшера.

Третий, Хорнхель, как раз и был таким сонным фельдшером. Он хромал на одну ногу, его тонкое и кривое, до бровей заросшее щетиной лицо было похоже на лицо первой скрипки Венской оперы, которую, вместо Паганини и Штрауса, месяц кормили жидким говном из карцерной парашаи.

– Курить есть? – поинтересовался Клаус.

Вместо ответа Ганс открыл свой ранец, привычное содержимое которого было на треть замещено полнотельными кубинскими сигарами El Rey del Mundo – единственным сувениром, который прихватил он в память о своем погибшем взводе, о заядлом курильщике лейтенанте Ландау.

Щедрость, проявленная Гансом, тут же расположила к нему всю троицу.

– Ты что же это... от своих отстал? – поинтересовался Клаус, затягиваясь во все легкие, как будто сигаретой.

– В-все погибли, – отвечал Ганс. Он заикался с самого детства, не заикался только, когда читал вслух псалмы и Четвероевангелие.

– Бывает. Тогда будешь с нами, – сказал Клаус, не столько предлагая, сколько, как показалось Гансу, приказывая. И тут же закашлялся. Крепкие сигары.

- А ч-что... вы?
- Мы будем переправляться. На правый берег. Сейчас. Здесь.
- Но п-почему здесь? П-по моим расчетам... в десяти километрах от нас... должна быть п-переправа! Мост... л-лодки...
- Ты на этой переправе был? – зло поинтересовался Хорнхель.
- Нет.
- Я был. Там конец. Просто конец всему.
- В с-смысле?
- Катастрофа.
- Д-давно уже катастрофа, – пожал плечами Ганс.
- Там, – Клаус махнул рукой в сторону, откуда слышалось удаленное уханье и грохотанье и его складное лицо на мгновение изуродовала истерическая гримаска. – Там... В общем, туда я больше не пойду.
- Я тоже, – хрипло поддакнул Глоссер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.